

ЭПОХА СУВЕРЕНИТЕТА ИЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КТО ВЫИГРАЕТ ВЕКОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

© 2013 А.С. Леонов¹

Старший преподаватель

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена рассмотрению вопроса о влиянии идеи прав человека на государственный суверенитет в эпоху гуманитарных интервенций и зарождающейся концепции «R2P». Автор анализирует предпосылки и итоги гуманитарных военных операций, место и роль в этом процессе прав человека, эволюцию государственного суверенитета в его восприятии различными государствами, а также соотношение концепций гуманитарной интервенции и «R2P» с нормами действующего международного права.

Как отмечает Стивен Краснер, «Вестфальский суверенитет <...> опирается на полную автономию национальной власти, а значит на отсутствие всякого внешнего влияния»². Это вполне привычный и, наверное, пока еще принимаемый большинством тезис. Согласно ему, государственный суверенитет основывается на невмешательстве во внутренние дела государства как оптимальной политической модели поддержания и обеспечения мира в международном сообществе. Такое утверждение, несомненно, было вполне справедливо в контексте XVII века, хотя бы потому, что именно для этих целей оно и вводилось в международный обиход. Однако с появлением договорных норм о правах человека оно, как минимум, требует переосмысления. Речь, прежде всего, идет о таких фундаментальных актах как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международных пактах о правах человека.

Вестфальское понимание суверенитета, очевидно, не соотносится с концепцией прав человека, отраженной в указанных документах. А значит, продолжающиеся нарушения прав человека могут оправдываться ссылками на внутренний суверенитет, невозможность вмешательства во внутренние дела государства, в то время как реакция на такие действия ограничивается

экономическими и политическими санкциями³. Очевидно, такие действия неизбежно обостряют и без того порой натянутые отношения между государствами. Наконец, здесь проявляется собственно теоретический парадокс: в то время, когда уважение государственного суверенитета способствует стабильности мирового сообщества, оно же само становится препятствием для реализации идеи прав человека. Определяя, что государства не могут становиться объектом «внешнего влияния» как со стороны других государств, так и со стороны международных организаций, Вестфальская концепция суверенитета делает практически невозможным для государства защищать права человека за пределами своих суверенных границ⁴.

Серьезный вызов концепции суверенитета (в том виде, как она отражена в духе Устава ООН) бросила серия гуманитарных интервенций 1990-х и начала 2000-х гг., инициированных главным образом США⁵. В данном случае речь шла не столько о теоретических спорах, сколько о вполне практических делах: США и их ближайшие союзники стремились, создав прецедент, закрепить за собой право на подобного рода интервенции в любой точке земного шара и в любое удобное им время. Параллельно последовала целая серия попыток по пересмотру принципов и норм международного права в нужном сторонникам гуманитарных интервенций направлении (прежде всего, в виде предложений по изменению Устава ООН в той его части, которая утверждает соблюдение суверенитета государств в качестве одного из ведущих принципов международного права)⁶.

Однако, гуманитарные интервенции, ориентированные на предотвращение насилия или геноцида местного населения, так ни разу и не достигли поставленных целей. Напротив, вторжение на территорию иностранного государства, блокирующее действия подвергаемого критике правительства, зачастую стимулировало хаос и длительную борьбу различных политических группировок. Так и не появилось четких определений ни самого понятия «гуманитарные интервенции», ни выработанной юридической базы их проведения. Тем не менее, большинство теоретиков, политологов и

специалистов по международному праву понимают гуманитарную интервенцию как «применение силы или угрозу силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ и без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав людей, не являющихся гражданами этих государств».

Югославские войны стали идеальной возможностью реализовать на практике то, что к тому времени превратилось в доктрину «гуманитарной интервенции». В это же время, в 1999 г., сам термин «гуманитарная интервенция» вошел в статус государственной политики США и Великобритании⁷. В апреле 1999 г. в Чикаго в канун юбилейного Вашингтонского саммита НАТО премьер-министр Великобритании Тони Блэр впервые использовал его для определения будущей политики НАТО на Балканах⁸.

В основу концепции был положен тезис о том, что гуманитарная катастрофа никогда не может считаться лишь внутренним делом того или иного государства и что международное сообщество не только «вправе», но даже обязано «решительно вмешаться» в подобные острые гуманитарные кризисы, а в сущности, - во внутренние дела суверенных государств, «для их оперативного выправления». Налицо, таким образом, связь между гуманитарной интервенцией и еще одной активно продвигаемой рядом стран концепцией «ограниченного суверенитета», также предполагающей возможность внешнего, в том числе силового, вмешательства во внутренние дела государств под гуманитарными предлогами⁹.

Сегодня можно выделить два отличающихся подхода к праву на «гуманитарную интервенцию». Одни государства (в первую очередь члены НАТО и их союзники) прямо допускают возможность вмешательства во внутренние конфликты под предлогом гуманитарных катастроф без санкции со стороны Совета Безопасности ООН. Другие отстаивают незыблемость закрепленных в Уставе ООН принципов – в частности, на исключительные

прерогативы Совета Безопасности ООН по санкционированию мер принуждения, включая военную силу.

Очевидно, что невозможно отрицать сложность применения принципов Устава ООН в ситуациях, когда устоявшееся понимание национального суверенитета больше не отвечает стремлению народов к обретению фундаментальных прав. В этой сфере компромисс не всегда может стать эффективной формулой согласованных международных действий, а принцип невмешательства во внутренние дела государства эволюционирует в направлении более широкого толкования¹⁰.

Таким образом, доктрина «гуманитарной интервенции» представляет собой, по сути, *право* на «вмешательство с целью защиты прав человека». Вопрос легитимности такого вмешательства остается в плоскости международного права. Его взаимосвязь с понятием государственного суверенитета представляет интерес для теоретической науки. Однако легитимность гуманитарной интервенции в конечном счете определяется иерархией ценностей в их современном понимании, а именно, взаимосвязью и соотношением прав человека и государственного суверенитета. Практика показывает, что абсолютный характер суверенитета может быть преодолен необходимостью охраны прав личности, что, однако, не соответствует современному международному праву системы ООН. Это несоответствие может означать отнюдь не регресс межгосударственных отношений, а напротив – определённый этап развития, эволюции¹¹. И в этом процессе, очевидно, все более приоритетное место занимают права человека и интерес их защиты и обеспечения. Но гуманитарная интервенция остаётся по-прежнему «правом» суверенного государства, и более того, - правом сильного государства. При этом возникает очень важный вопрос: не становятся ли права человека средством достижения совершенно определенных геополитических целей, в то время как сами они должны представлять собой высшую, конечную цель в этом процессе?

Принятие на Всемирном Саммите ООН в 2005 году концепции «R2P» (Responsibility to protect) или «обязанность защищать»¹² явилось событием неординарным. Эта идея, предложенная изначально в 2001 году в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, нашла поддержку ста пятидесяти государств – членов ООН. Они пришли к согласию по вопросу о том, что суверенные государства не просто обязаны защищать свой народ от самых серьезных преступных посягательств, таких как геноцид, этнические чистки, преступления против человечности и военные преступления, но что в случае их собственной неспособности к этому, эта обязанность возлагается на международное сообщество, которое в этих целях может принимать любые адекватные меры, включая военное вмешательство при соответствующем согласии Совета Безопасности.

Чтобы понять, насколько значительным был шаг по принятию концепции «R2P», важно помнить о том, в каких условиях рождалась данная идея, каким образом, начиная с XVII века, мировое сообщество пришло от понимания государственного суверенитета как «лицензии» на регулирование всего, что происходит на его территории, до суверенитета как обязанности, по прежнему являющейся характеристикой, равной для всех государств, но принципиально меняющей существо самого понятия суверенитета. Вторая Мировая Война и Холокост с последовавшими за ними военными трибуналами и принятием Устава ООН, закрепившим как норму *jus cogens* запрет для каждого государства вмешиваться во внутренние дела другого государства (ст. 2(7) Устава ООН); на фоне этого запрета - ужасающие события в Камбодже, остановленные вмешательством Вьетнама, за что он был обвинен мировым сообществом за нарушение принципа невмешательства; события в бывшей Югославии, Руанде, Сомали, Сребренице, Боснии, которые доказали практическое фиаско, контрпродуктивность действий мирового сообщества; наконец массовые преступления в Косово в 1999, которые не были вовремя остановлены из-за бездействия Совета Безопасности по причине использованного РФ права вето, и последующее вмешательство, поставившее

под сомнение целостность системы международной безопасности, и еще более усугубившее ее - вторжение в Ирак.

Базовая идея концепции «R2P» предельно проста: она проявляется путем перевертывания «с ног на голову» (хотя, в нашем случае, скорее «с головы на ноги») понятия «право на вмешательство». При этом право «великих держав» превращается в обязанность всех государств защищать свой народ от грубейших нарушений их прав и содействовать другим в этой защите. Таким образом, акцент смещается кардинально с понятия «вмешательство» на понятие «защита». Концепция «R2P» принципиально новым языком объясняет, как можно преодолеть один из сложнейших вопросов в международном праве, а именно, обеспечение максимальных гарантий мира и безопасности в государствах, превенции массовых нарушений прав личности, используя при этом согласованные способы и инструменты, не вызывающие глубинных противоречий представителей мирового сообщества. Эта идея, вероятно, имеет значительные шансы стать частью международного обычного права, изменив при этом идущее из глубины XVII столетия укоренившееся понимание суверенитета. Такое изменение сознания мирового сообщества в части государственного суверенитета и прав человека может с большой вероятностью свидетельствовать о качественной перестановке ценностей.

¹Старший преподаватель кафедры европейского и международного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского / andrei_leonov@yahoo.fr / http://www.jean-monnet.unn.ru/Leonov_eng.php

²Krasner Stephen D. Problematic Sovereignty /Stephen D. Krasner, ed., Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Responsibilities. - New York: Columbia University Press, 2001.– P. 2.

³Goldstein J. S., Pevehouse J. C. International Relations: 2006-2007 Edition, 7th ed. - New York: Pearson, 2007. – P. 288.

⁴Krasner Stephen D. Problematic Sovereignty /Stephen D. Krasner, ed., Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Responsibilities. - New York: Columbia University Press, 2001. – P. 2.

⁵ТихоновВ.Г. Суверенитет: эволюция концепта //Eurasian review, Volume 3, November 2010. С. 29.

⁶Там же.

⁷Теме о стратегических концепциях США и НАТО, включая вопросы гуманитарной интервенции, посвящены труды В.С. Котляра.

⁸NATO Handbook: The Strategic Concept of the Alliance. 1999.

⁹J.L. Holzgrefe and R. Keohane Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 93-129.

¹⁰Bellamy A. Power, rules and argument: new approaches to humanitarian intervention // Australian Journal of International Affairs. Nov 2003, Vol. 57, No.3, pp. 499-512.

¹¹Леонов А.С. Метаморфозы концепции государственного суверенитета в свете практики гуманитарных интервенций //Сборник научных статей аспирантов и соискателей Нижегородского коммерческого института. Вып. 20. – Н. Новгород: НКИ, 2012. – С.193.

¹²Перевод этого термина на русский язык не является официальным и сколько-нибудь устоявшимся. В работах В.С. Котляра используется термин «ответственность по защите», в работе Сазоновой К.Л. «Концепция «ответственность за защиту» в миротворческой деятельности ООН» (Юридическая наука, 2012, № 1) термин «Responsibility to Protect» переведен как «ответственность за защиту».